

1944-й — проклятый год.

Маглы по всему миру увлеченно забрасывали друг друга снарядами, а волшебники, подобно задиристым петухам, выхватывали палочки при любой возможности.

Локк больше не жил в той продуваемой всеми ветрами лачуге. Как только война перешла в острую фазу, госпожа Виктор лично притащила его в родовое поместье своей семьи и втолкнула в мрачный подвал. Это была настоящая подземная клетка, один взгляд на которую вызывал безотчетную тревогу. Тяжелая дверь закрылась с протяжным скрипом, отсекая последнюю надежду на глоток свободы.

Локк с тоской посмотрел на уходящий свет. Он понимал: пока не закончит так называемое «обучение», ему не позволят сделать и шага наружу. Единственным утешением служило то, что время здесь, судя по словам матери, замирало — в этом подземелье оно подчинялось иным законам.

Мальчик не знал, намеренно ли Вивиан проговорила об этом или просто допустила досадную оплошность. Впрочем, неужели она всерьез полагала, что трехлетний ребенок способен уловить скрытый смысл её слов? Локк лишь покачал головой. К своей странной матери он всегда относился с настороженной отстраненностью. И дело было не только в ненависти, которая порой вспыхивала в её глазах, но и во всем том, что она заставляла его делать. Этого было более чем достаточно, чтобы не питать к ней ни капли нежности.

Образ госпожи Виктор больше всего напоминал злую королеву из сказки о Белоснежке. Она разве что не пыталась его убить, но в остальном Локк подозревал в ней магическую версию той самой мачехи. Конечно, сам он ничуть не походил на беззащитную принцессу и признавать подобное сходство не собирался.

Однако, вольно или невольно, госпожа Виктор сделала одну полезную вещь. Пусть Локк и лишился свободы, но кто станет отрицать, что в этом изолированном месте, куда могли входить лишь домашние эльфы, он был надежно укрыт от безумия мировой войны, развязанной темными и светлыми магами?

В подвале царил вечный полумрак. Локк, еще не привыкший к давящей тишине, почувствовал, как дыхание становится тяжелым. Он уже хотел расстегнуть воротник, чтобы стало легче, когда незнакомый голос остановил его:

— На твоём месте я бы этого не делал.

Кто здесь?

Локк едва не выкрикнул этот вопрос, но в последний момент самообладание взяло верх. Действуя как обычный ребенок, он вздрогнул, съежился, и в следующее мгновение он скорчил гримасу ужаса. Заливаясь слезами, он закричал что было мочи:

— Вино!

Признаться, разыгрывать подобное было унижительно, но только так мог вести себя нормальный трехлетний малыш. По-настоящему мудрый человек никогда не раскроет карты перед незнакомцем, чьи намерения неясны, особенно в столь беспокойные времена. Если память ему не изменяла, сейчас была эпоха Грин-де-Вальда и Дамблдора, время безумств Гитлера. В этой бойне гибли тысячи опытных волшебников — Локк не обольщался на свой счет и не верил, что ему просто повезет выжить в случае нападения.

Несмотря на все старания изобразить невинное дитя, Локка выдал взгляд — слишком цепкий и холодный для ребенка. Фигура в черной мантии, выступившая из тени, указала на свои глаза и усмехнулась:

— Пытаться переиграть мастера на его же поле — решение не самое разумное.

Локк замер, а затем медленно отбросил притворство. В мире магии слишком много необъяснимых вещей; возможно, этот таинственный незнакомец обладал каким-то особым даром видеть правду. Продолжать игру было бессмысленно — это лишь лишило бы его последних козырей. Лучше встретить опасность лицом к лицу. Так, по крайней мере, можно было вызвать интерес у незваного гостя, что повышало шансы на выживание.

— Скрывать свою сущность обычно полезно, но не в этот раз, — Локк намеренно растягивал слова, с нескрываемым сомнением оглядывая закутанную в плащ фигуру. — Не находите, что для встречи с трехлетним ребенком ваш наряд — излишняя предосторожность? Или вы надеетесь, что неведомый ужас заставит меня беспрекословно вам верить и во всем поддерживать?

— Должен признать, твоя манера речи мне импонирует, — незнакомец одобрительно хлопнул в ладоши. — Немного многословно, но в этом чувствуется аристократическая хватка — элегантная и агрессивная одновременно. Скажи-ка, с чего ты взял, что можешь быть мне полезен?

— Ребенка легче всего покорить силой, но чрезмерная мощь внушает лишь парализующий страх. Поэтому, демонстрируя величие, разумно добавить немного таинственности — так эффект будет куда глубже. Вы ведь можете поклясться именами предков, что думали именно так? — Локк жестом остановил собеседника, не дав ему вставить ни слова. — И не нужно говорить, что вас прислала мать. Семье Виктор не по силам нанять мага вашего уровня.

Мальчик развел руки, открываясь, и прямо посмотрел на человека в черном:

— Моя искренность налицо. Теперь ваша очередь проявить свою, сэр.

Незнакомец замер на мгновение, а затем подвалы огласил искренний, веселый смех, от которого Локк невольно напрягся.

— Почти поймал, малец, — в голосе незнакомца не было гнева, лишь явное восхищение. — Если бы я сам не был мастером обмана, ты бы меня одурачил. На первый взгляд твои доводы логичны, но у тебя нет ни малейшего представления о том, кто я и зачем здесь. Ты просто ухватился за единственный шанс — надежду на то, что я действительно в тебе нуждаюсь. Ведь иначе, каковы бы ни были мои цели, ты — труп. А раз так, почему бы не рискнуть? Если ошибешься — все равно конец, но если угадаешь, получишь невероятную выгоду. И главное — силу. Какой бы ни была моя цена, я обучу тебя всему, если только не готовлю на убой. Очень недурно, парень.

В этот миг напряжение, сковывавшее Локка, спало. Он оказался прав. Сила. Наконец-то он получит силу!

На краткий миг его охватило пламя безудержных амбиций. Все те издевательства и муки, что он претерпел с момента появления в этом мире, едва не вырвались наружу ликующим криком. Стоит завладеть силой, и никто — абсолютно никто — больше не посмеет диктовать ему свою волю.

Но уже в следующее мгновение он снова стал спокойным и холодным.

Эта мощь еще не принадлежала ему. К тому же, за обучение наверняка придется платить. Ничего не дается даром — за приобретение всегда отдаешь нечто равноценное. Не станет ли этой ценой свобода, которую он ценил превыше всего?

Локк посмотрел на незнакомца. Он стал пугающе серьезен.

— Ты очень умен. И мне плевать, как ты оказался в теле этого ребенка. Раз в твоих жилах течет кровь Малфоев, мы принимаем тебя, — незнакомец откинул капюшон. — Всё, что от тебя требуется, — это верность семье Малфой.

Платиновые волосы, точь-в-точь как у самого Локка, не оставляли сомнений: перед ним Малфой.

Но как его разорившиеся родители сумели привлечь внимание такого рода? Локк не верил, что одного цвета волос достаточно, чтобы истинные Малфои прислали своего сородича в качестве наставника.

— На самом деле твоя мать была дочерью бастарда из нашей семьи, — с легким замешательством пояснил Кори Малфой. — Само по себе это родство не заставило бы нас так суетиться, но...

Кори нахмурился. Слова, которые он собирался произнести, казались ему неуместными перед этим странным ребенком, и он попытался уйти от ответа. Но Локка было не так-то просто сбить с толку. Под его настойчивым давлением учитель признался: всё дело в пророчестве. Именно оно привело Малфоев к его порогу.

Что это было за пророчество, Кори и сам толком не знал.

Впрочем, это уже не имело значения. Важным было лишь то, что он наконец прикоснулся к магии — таинственной и прекрасной.

Услышав первые рассуждения Локка о магическом искусстве, Кори впервые позволил себе забыть о приличиях.

— Если ты так жаждешь смерти, просто скажи! — рявкнул он, хватая мальчика за шиворот и приподнимая над полом. — Если хочешь фокусов для толпы — иди к маглам. Я же буду учить тебя истинной магии. Той, что была создана для битвы. Той, которой гордятся чистокровные волшебники!

Локк на миг прослезился, но тут же снова стал холодным и безразличным. Это было его истинное лицо.

Кори, возможно, поначалу и явился лишь по приказу семьи, не скрывая своего недовольства, но шло время, и он начал видеть в Локке настоящего ученика. Он взялся за его обучение со всей серьезностью.

Время в этом подвале потеряло всякий смысл. Локк всё еще выглядел как трехлетний малыш, а Кори оставался в той же черной мантии, что и в их первую встречу. Но оба знали: всё изменилось.

Годы, проведенные бок о бок в четырех стенах, связали этих двоих. Локк уважал Кори как наставника, а тот относился к нему как к сыну. В сердце мальчика наконец затеплилось некое подобие симпатии к семье Малфой.

Ради Кори, который из-за него провел годы в разлуке с любимой, стоило быть преданным этому роду. Ведь до того, как запереться в этом подземелье, у Кори была невеста. Они были неразлучны, и буквально накануне помолвки он получил приказ обучать ребенка из пророчества.

Для Локка это чувство пока оставалось за гранью понимания. Оставить любимую женщину ради нужд семьи... Что важнее: род или любовь?

Когда он спросил об этом Кори, тот лишь улыбнулся и посмотрел куда-то вдаль затуманенным взором:

— Семья дала мне жизнь, а любимая — смысл этой жизни.

«Пустозвонство», — подумал Локк, скептически поджав губы. — «Так и не ответил».

Самым важным уроком Кори стало искусство обмана.

Он любил повторять, что аристократу нужна не сокрушительная магическая мощь, а умение общаться. Связи позволяют лишать врагов союзников, обретать поддержку и уверенно идти к славе. Но как именно «общаться»?

Кори с хитрецей усмехался: нужно сталкивать интересы, плести интриги и заманивать всех в одну ловушку. Тот, кто привязал окружающих к своей колеснице, уже победил.

— А как обманывать?

— И за что мне такой бестолковый ученик?

Кори деланно возмутился и отходил в сторону, а Локк лишь едва заметно улыбался ему в спину.

Нет вечных врагов, есть только вечные интересы. В любом мире эта истина остается неизблемой. Нужно играть на чувствах и сулить выгоду — ведь человеческие отношения строятся либо на долгах, либо на прибыли. Локк задавал свои вопросы лишь для того, чтобы скрыть истинную глубину своего понимания.

Кори знал об этом, но никогда не возражал. Пусть это войдет в привычку. Когда Локк научится обманывать даже своего учителя, тогда он станет настоящим аристократом. Уж лучше быть обманутым собственным выдающимся учеником, чем врагом.

Иногда, пока Локк отрабатывал заклинания, Кори предавался воспоминаниям о своей невесте. Он грезил о её нежных волосах, мягком голосе и кротком нраве, а затем под насмешливым взглядом мальчика краснел и сбегал в ванную под холодный душ. Только в такие моменты Локк позволял себе безнаказанно подтрунивать над наставником.

— Кори, ну что за красавица моя будущая наставница, раз вы так по ней сохнете? — подначивал Локк.

— Знай свое место, паршивец, — доносилось из-за двери сквозь шум воды. — Ты можешь ценить красоту, но запомни: моему ученику не место рядом с «куклой». Твоя избранница должна обладать прекрасной душой — такой, чтобы она могла стоять плечом к плечу с тобой перед любым вызовом судьбы.

Локк лишь фыркнул. Если бы таких женщин было много, мужчины в этом мире были бы слишком счастливы.

Оставив учителя в покое, мальчик вернулся к котлу.

Зельеварение было глубокой и сложной наукой. Кори говаривал, что любой великий мастер зелий может стать великим поваром. Сначала зелья создавались для того, чтобы еда на кухнях волшебников была вкуснее, и лишь позже гениальные потомки научились варить составы для здоровья. То, над чем Локк трудился сейчас, было венцом этой эволюции.

Впрочем, у Локка был и свой резон налегать на этот предмет. Опыт прошлой жизни подсказывал: путь к сердцу — и мужчины, и женщины — лежит через желудок. А магия лишь делала этот путь короче.

<http://bllate.org/book/17457/1692354>